

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

**ЭМИЛИ
ДИКИНСОН**

«Я УМЕРЛА ЗА КРАСОТУ...»

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-5
Д 45

Составление, перевод, статьи Григория Кружкова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© Г. М. Кружков, перевод, статьи, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17195-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В отличие от других русских изданий Эмили Дикинсон, в этой книге стихи расположены не хронологически, а по темам. Это очень старая традиция. По тематическому принципу был составлен уже первый посмертный сборник Дикинсон 1890 года (в который вошла лишь малая часть ее стихотворений), а также большинство последующих — вплоть до середины XX века. Лишь в 1950-е годы Томас Джонсон издал первое научное собрание стихотворений, где предложил и хронологический (предположительно) порядок, и нумерацию стихотворений, которая прижилась и с тех пор широко используется.

Стихи Дикинсон, несмотря на их лаконичность и простоту формы, совсем не просты, а порой даже загадочны. Разделение стихов по темам — шаг навстречу читателю, чтобы он мог постепенно войти в мир этой необычной поэтессы, понять ее сперва хотя бы на первом уровне смысла, и, полюбив, двинулся бы дальше вглубь ее поэзии.

А предложил тематический порядок критик Томас Хиггинсон, первый профессиональный чита-

тель стихов Эмили Дикинсон, с которым она состояла в переписке почти двадцать лет. Он также посоветовал дать названия стихотворениям, и составительница книги Мейбл Тодд приняла оба предложения. Разумеется, издатель тоже их поддержал.

Идея оказалась удачной: первая книга Дикинсон, напечатанная сначала робким тиражом 480 экземпляров, выдержала одиннадцать переизданий в течение двух лет, и читатели вскоре потребовали все новых и новых стихов.

В этом издании мы не во всем последовали предложениям Хиггинса. Названий стихотворениям мы, конечно, не давали, потому что заголовок — органическая часть стихотворения и право на него принадлежит только автору. Что касается компоновки, то это другое дело: практически все составители так или иначе группируют стихи — если только сам поэт ясно и определенно не объединил их в циклы и книги.

Конечно, стихотворение Дикинсон редко можно отнести только к одной теме. И все же, предлагая какой-то главный или просто более очевидный ее вариант, мы даем возможность читателю самому обнаружить другие темы и мотивы, которые переплетаются в стихотворении, придавая ему движение и драматизм, образуя, как в музыке, аккорды и контрапункты смысла.

Мы надеемся, что читатель, впервые знакомящийся с творчеством Эмили Дикинсон, оценит такое построение книги, призванное помочь легче ориентироваться в ее поэзии. Для более искушен-

ных читателей, желающих сравнить перевод с подлинником, в конце книги дается алфавитный указатель, где приводится первая строка оригинала и его номер по Джонсону.

ЭМИЛИ ДИКИНСОН – СУДЬБА И СТИХИ

Никто меня не звал — на Бал...

Э. Дикинсон

Судьба Эмили Дикинсон похожа на сказку о Золушке. Это история скромной, никому не известной девушки, в финале сделавшейся принцессой: любимый сюжет популярной литературы и кино, мгновенно доходящий до сердца любого простого американца. Несомненно, в любви широкого читателя к Эмили (поэтессе совсем непростой) «повинны» не только ее стихи, но и этот узнаваемый сюжет, этот архетип, подсознательно влияющий на наше восприятие.

Даже в единственном достоверном изображении Эмили Дикинсон (копии с дагеротипа 1847 года) мы склонны увидеть милые нам черты Золушки — скромность, искренность, доброту и ту прелесть живого ума, которая составляет самую сердцевину этого характера.

Жизнь не была справедлива к Эмили. Ни путешествий, ни замужества, ни своей семьи. Уединенная жизнь в маленьком городке, откуда Эмили практически никогда никуда не уезжала. При необычайном поэтическом даре — полная безвестность; а ведь она знала себе цену — легко ли было
8 такое вынести? Как говорила добрая фея в сказке

Евгения Шварца: «Очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь».

Фея, Золушкина крестная, в конце концов превратила для нее тыкву в карету и крысу в кучера. А для Эмили и бал, и прекрасный принц случились уже посмертно, за пределами земной жизни...

* * *

Сто пятьдесят лет тому назад произошло, казалось бы, незначительное событие, но оно оказалось одной из самых памятных вех в истории американской литературы. В апреле 1862 года журналист Томас Хиггинсон из Бостона получил письмо от неизвестной ему читательницы. К письму были приложены четыре стихотворения, а начиналось оно так:

«МИСТЕР ХИГГИНСОН, — если только Вы не слишком заняты, скажите, есть ли жизнь в моих стихах?»

Мой ум слишком близок к себе самому, он не может ясно видеть, а спросить мне некого.

Если Вы сочтете, что они дышат, и найдете время написать мне, ответом будет моя живая благодарность».

Т. Хиггинсон комментирует: «На конверте стояла почтовая печать „Амхерст“, а само письмо было написано таким странным почерком, как будто автор учился буквам, изучая окаменелые следы, оставленные доисторическими птицами в музее Амхерстского колледжа. Тем не менее письмо ни в коей мере не было неграмотным, наоборот — оно

несло отпечаток утонченного, странного и оригинального ума». Странным было многое — и почти полное отсутствие пунктуации (за исключением тире), и написание существительных с большой буквы, как в немецком или в старом английском языках. Но больше всего удивляло то, что письмо не имело подписи, зато в конверт был вложен еще один маленький конвертик, и вот в этом конвертике сообщалось имя отправительницы, написанное почему-то карандашом.

Такова была первая попытка выйти к читателям, может быть, лучшей из поэтесс, когда-либо писавших на языке Шекспира, — Эмили Дикинсон.

Обратите внимание на то, как автор письма с первой же фразы попадает в цель. Она не спрашивает: хорошие это стихи или плохие, есть у нее способности или нет и так далее — как обычно спрашивают начинающие поэты. Вопрос нацелен в самую точку: *живые стихи или мертвые?* Быть живой — главное свойство настоящей, «долгоиграющей» поэзии. Великий поэт не так уж сильно выделяется среди своих современников; наверняка среди них есть не менее образованные, умные, оригинальные и обладающие прекрасными душевными качествами люди. Разница лишь в том, что они не умеют превратить это в стихи, перелить себя в стихи. Их рука и перо не могут стать единым проводником, соединяющим мысль пишущего и бумагу. Только поэт обладает этим загадочным свойством — одушевлять столбики слов и наделять их самостоятельной жизнью — так, что они могут су-

ществовать и беседовать с нами многие десятилетия после того, как навсегда замрет написавшая их рука.

У колумбийского писателя Николаса Гомеса Дэвила есть замечательная фраза: *«Подлинные произведения искусства взрываются в стороне от своего времени, как снаряды, оставшиеся на поле боя»*. Это как будто сказано про Эмили Дикинсон. Только разрыв этой бомбы был не разрушительным, а созидательным. Ныне город, в котором она жила, американцы называют родиной «затворницы из Амхерста», а ее дом стал музеем и местом паломничества тысяч туристов, ежегодно пополняющих казну горожан. Стихи Э. Дикинсон изучают в школах, о ней пишут ученые монографии и книги для детей.

Биографическая канва жизни поэтессы проста и хорошо известна. Семья Дикинсон занимала почтенное положение в своем маленьком городке в штате Массачусетс. Дед Эмили был одним из основателей Амхерстского колледжа, отец служил казначеем колледжа, одновременно занимаясь адвокатской практикой и политической деятельностью — однажды он даже избирался в Палату представителей Конгресса США. Выросшие дети не разлетелись из гнезда: старший брат Остин, женившись, жил в соседнем доме, младшая сестра Лавиния, как и Эмили, не вышла замуж.

Главным событием молодости Эмили стала дружба с адвокатом Бенджамином Ньютоном, проходившим практику в конторе ее отца. Он руководил ее чтением, учил восхищаться великой поэзией,

понимать красоту и величие мира. В 1850 году он уехал из Амхерста, а три года спустя умер. Много позднее Дикинсон вспоминала: «Когда я была еще совсем девочкой, у меня был друг, учивший меня Бессмертию, — но он отважился подойти к нему слишком близко — и уже не вернулся».

В разлуке с Ньютоном у Эмили созрела мысль посвятить свою жизнь поэзии. Но после смерти старшего друга источник ее стихов пересох. Новое дыхание пришло в конце 1850-х годов, в разгар ее эпистолярного романа с женатым священником из Филадельфии Чарльзом Уодсвортом. Была ли это любовь, душевная привязанность или мистическая близость, ясно одно — это было чувство исключительной интенсивности. Оно породило настоящий творческий взрыв: подсчитано, что только за три года, с 1862-го по 1864-й, Эмили написала более семисот стихотворений.

В 1862 году случилось так, что Эмили Дикинсон завязала переписку с известным в Новой Англии литератором Томасом Хиггинсоном, сделавшимся на многие годы ее постоянным корреспондентом и «поэтическим наставником», а также издателем первого сборника ее стихов — но уже посмертного.

Слова «поэтический наставник» взяты в кавычки, потому что отношения поэтессы и критика были своеобразными: в каждом письме Эмили просила у Хиггинсона оценки и совета, называла себя смиренной ученицей, но ни разу не воспользовалась его советами и продолжала все делать по-своему. А он указывал на просчеты и огрехи в ее

стихах: неправильные ритмы и рифмы, странную грамматику — на все то, что было индивидуальной, во многом новаторской манерой Дикинсон и что сумели в полной мере оценить лишь критики XX века.

Литературное наследие Эмили Дикинсон — около тысячи восьмисот стихотворений, по большей части найденных после ее смерти в комодке, а также три тома писем, причем многие из них не менее замечательны, чем ее стихи. Особенно интересны первые письма Томасу Хиггинсону, где она несколькими штрихами набрасывает свой портрет и рассказывает о себе главное.

Внешность:

«Я не вышла ростом, как мне кажется... Я маленькая, как птичка-крапивник, и волосы у меня грубые, как колючки на каштане, а глаза — как вишни на дне бокала, из которого гость выпил коктейль. Ну как?» (Когда через восемь лет Т. Хиггинсон заехал к ней в гости, он увидел перед собой «маленькую некрасивую женщину», — если верить тому, что он сообщил в письме жене, но ведь благоразумный муж и должен был написать «некрасивую» — во избежание семейных осложнений.)

О друзьях и занятиях:

«Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом, — которого купил мне отец... Думаю, Карло понравился бы Вам — он храбрый и глупый... Когда я маленькой девочкой часто ходила в лес, мне говорили, что меня может укусить змея, что я могу сорвать ядовитый цветок или что гномы могут меня похитить,

но я продолжала ходить в лес и не встречала там никого, кроме ангелов, которые меня стеснялись больше, чем я их...»

О своих стихах:

«Я не писала стихов — разве что одно или два до этой зимы, сэр. Я испытывала страх — начиная с сентября — и не могла никому рассказать об этом — и я пою, как мальчишка поет на кладбище, потому что боюсь...»

Умирая, мой Учитель говорил, что хотел бы дожить до того времени, когда я стану поэтом, но Смерть оказалась сильнее, я не смогла совладать с ней. И когда много позже неожиданное освещение в саду или новый звук в шуме ветра вдруг захватывали мое внимание, меня сковывал паралич — только стихи освобождали от него...

Я счастлива быть Вашей ученицей и заслужу доброту, за которую пока не могу отплатить... Будете ли Вы указывать на мои ошибки — честно, как самому себе? Я не умру — только поморщусь от боли. К хирургу обращаются не за тем, чтобы он похвалил вашу кость, а чтобы вправил ее... Ведь я всего лишь кенгуру в чертогах Красоты...»¹

До двадцати пяти лет Эмили была обычной культурной барышней, ничем особенно не выделявшейся из своего круга; но чем глубже она погружалась в писание стихов, тем больше ее внутренний мир вытеснял внешний. С 1864 года она уже не покидала Амхерст, с 1870-х практически не выходила из дома. Одной из причин была болезненная стесни-

¹ Отрывки из писем Э. Дикинсон здесь и далее даются в переводе А. Гаврилова; стихи — в переводе автора статьи.

тельность, следствие обостренной чувствительности, — она воспринимала все так остро, что прямой контакт с окружающим миром ранил ее. Другой причиной было сознательное самоограничение:

Кто так не жаждал — тот не знал
Безумия глубин —
Пир воздержания затмит
Пиры обычных вин.

Когда желанное у губ —
Но капли не испей —
Чтоб грубо не расторгла явь
Сверкающих цепей —

Да и к чему экипажи и поезда, если воображение может гораздо больше?

Страницы книги — паруса,
Влекущие фрегат,
Стихи быстрее скакуна
В любую даль умчат...

Так постепенно она превращалась для соседей и знакомых в «эту странную мисс Дикинсон» — впрочем, неизменно доброжелательную к людям, но предпочитавшую жизнь добровольной затворницы. Нет, она не разорвала связей с миром, но они все более принимали эпистолярный характер. В числе друзей Эмили по переписке были ее кузины Луиза и Франсис Норкросс, редактор газеты «Спрингфилд рипабλικен» мистер Холланд и его жена Элизабет Холланд, блестящий журналист и со-редактор той же газеты Сэмюэл Боулз, упомянутые уже Чарльз Уодсворт и Томас Хиггинсон, жена преподавателя Амхерстского колледжа миссис Мейбл

Тодд, судья Отис Лорд (последняя любовь Эмили), а также жена брата Сюзен, жившая в соседнем доме, но постоянно получавшая от поэтессы записки и стихи.

Так что не нужно думать, что Эмили писала только «в стол», у нее был целый круг друзей, и она регулярно, начиная с 1860-х годов посылала им свои стихотворения, некоторые — сразу нескольким адресатам.

Здесь возникает неожиданная параллель с Джоном Донном, основоположником «метафизической школы»: он ведь тоже писал для узкого круга друзей и знакомых, стихи поэта были изданы через два года после его смерти.

Эмили Дикинсон не читала Донна (в то время почти забытого), она знала и любила лишь его позднего последователя Генри Возна, тем не менее родство ее поэзии с «метафизической школой» прослеживается довольно четко. Например, склонность к неожиданным сравнениям и привлечение в стихи материала естественных наук. У Донна это астрономия, география, медицина, алхимия, физика и цифрология. В стихах Дикинсон сходным образом встречаются и «электрический покой» (физика), и «карбонаты» (химия), и «экспонента дней» (математика), и специальные термины из астрономии и ботаники. Еще более важно, что у Дикинсон, как и у Донна, внимание сосредоточено на последних вопросах бытия — душа, смерть, бессмертие. Ее стихи о смерти по своему числу и концентрации могут соперничать с погребальными элегиями и «священными сонетами» поэта-священника.

Смерть, отопри Врата —
Впусти своих овец!
Скитаньям положи предел,
Усталости — конец.

Твоя Овчарня — ночь,
Озноб и тишина —
Невыносимо Ты близка —
Немыслимо нежна.

В ряде стихов Эмили Дикинсон, так же как у испанского поэта XVII века Хуана де ла Круса, происходит мистическое слияние Души в образе Невесты с ее возлюбленным Женихом. Воспринимать их можно в двух планах — как выражение земной любви и любви небесной, обращенной к Богу.

Титул божественный — мой!
Без аналоя — Жена!
Императрица Голгофы —
Вот как я наречена!

Эти стихи 1862 года (и некоторые другие «новобрачные стихи» того же периода) обычно связывают с Чарльзом Уодсвортом, к которому Дикинсон испытывала нежную преданность. Но адресат здесь не важен, важна сама страсть — безудержная эманация любви, исходящая из одинокого женского сердца.

Что-то в этом накале чувства — всепоглощающего и затаенного, скованного «сверкающею цепью» самоограничения, — есть отчетливо монашеское. Кажется, примерно в середине 1860-х годов Дикинсон окончательно избрала свою добровольную схиму. В это же время она и начала носить

простое белое платье — наряд, ставший неременной деталью образа затворницы из Амхерста.

А было это — видит Бог —
Торжественное дело —
Стать Непорочной Тайною —
Стать Женщиною в Белом —

Святое дело — бросить жизнь
В бездонную Пурпурность
И ждать — почти что Вечность — ждать —
Чтобы она — вернулась —

Пурпурный цвет у Дикинсон — цвет триумфа и славы. Она бесконечно сомневалась в себе, самоуничижалась, и все-таки сознание своей поэтической правоты не оставляло поэтессу. Недаром в ее предсмертной записке есть лишь два слова: «Called back».

«Отозвана».

Если отозвана, значит была призвана — значит, верила в свое призвание, послание. В то, что — говоря словами Марины Цветаевой — «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Эмили Дикинсон сказала о том же иначе:

Мы вырастаем из любви —
И прячем вещь в комод —
Пока на бабушкин фасон
Вновь мода не придет.

Дикинсон нередко сравнивают с Цветаевой — по увлекающемуся складу характера и по внешнему виду ее стихов, разорванных многочисленными тире. Сходство действительно есть. В письмах —

эмоциональных, афористичных, порой загадочно-туманных — оно, пожалуй, выражено отчетливей. Но стихи Дикинсон — не так и не про то. Разве что похоже обилие сверхграмматических тире, которые, как и у Цветаевой, служат знаками интонации.

Вообще говоря, использование тире в конце предложений вместо точки или многоточия — и вообще пренебрежение к орфографическим тривиальностям — соответствует английской эпистолярной традиции XIX века. Если вместо тире ставить точку или многоточие, эффект будет совсем другой. Дело в том, что точка, как резко нажатый тормоз, останавливает течение речи; после нее разгон стиха следует начинать заново. Другое дело тире. Его функция двойная: тире одновременно *разъединяет и соединяет* отрезки речи. Делая необходимую паузу, оно в то же время сохраняет инерцию речи, ведет голос вверх и обещает продолжение.

Интересно, что литературоведы отмечают избыток тире в некоторых рукописях Пушкина. Борис Гаспаров приходит к выводу, что у Пушкина было несколько пунктуационных стратегий: почти полное отсутствие знаков препинания — для возвышенной и отстраненной от мира речи («Пророк», «Памятник»), избыток знаков — для эмоционально-взволнованной лирики и преимущественное использование тире — для дружеской болтовни (но не только). Последнее характерно для рукописей «Евгения Онегина». Вот пример — набросок письма к Татьяне:

Полюбите вы снова — но —
Учитесь вы владѣть душой —

Къ (?) неопытность ведеть —
— Не всякой васъ какъ я пойметъ

Б. Гаспаров считает, что пунктуационные вольности отражают «режим поэтического дыхания» и проводят типично романтическую разделительную черту между спонтанностью вдохновения Поэта — и прозаичностью дальнейшей судьбы рукописи, с которой далее работает Книгопродавец¹.

А как в Англии? Мне не приходилось видеть рукописей стихов Джона Китса, но его письма традиционно печатаются с воспроизведением авторской пунктуации, и тут мы видим те же различные пунктуационные манеры — в зависимости от содержания и адресата письма. В письмах друзьям очевиден преизбыток тире в ущерб точкам и запятым; здесь Китс мешает важное с чепухой. Вот как, например, он рассказывает о кучере, который его вез, и о своем хилом виде по сравнению с ним:

«Чувствую себя ничтожеством — Возможно, я жую только чтобы убедиться в своем существовании. И вот пока я кусок за кусочком — это бесполезно — кучер пощипывает свою горбушку — он избран — он призван — богобоязненный Геркулес — Живет ли он хлебом единым?» (Р. Вудхаусу, 21–22 сентября 1819 г.)

Но когда Китс пишет невесте Фанни Брон, шуточный тон покидает его, и пунктуация возвращается к норме; если где-то и происходит сгущение тире, это означает не игривость, а смятение:

¹ Гаспаров Б. Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 115–133.

«Когда Брауну вздумалось вчера вечером рассказать эту историю про меня — а она так походила на правду, — я почувствовал, что — поверь ты ей — моя жизнь была бы кончена...» (11 октября 1819 г.)

По-видимому, в эпоху романтизма дружеская переписка пользовалась свободой от тирании пунктуации: летучие тире были выражением этой свободы, отчасти заменяя живой голос и жестикуляцию.

Итак, мы можем сделать вывод, что пунктуационная манера Эмили Дикинсон и в письмах, и в стихах предполагает, с одной стороны, дружеский разговор с читателем — с тем адресатом, в чьи «невидимые руки» она передавала свои стихи, а с другой стороны, является своеобразной музыкальной партитурой, запечатлевшей авторский голос, смысловые паузы, особый способ подачи звука.

Эмили Дикинсон не была религиозна в обычном смысле слова: она рано перестала ходить в церковь, оспаривала церковные догматы, и тем не менее многие из ее главных тем восходят к Библии и христианскому учению. Это темы избранничества, бессмертия и жертвы. Она писала:

Далеко Господь уводит
Своих лучших чад —
Чаще — сквозь терновник жгучий,
Чем цветущий сад.

Не рукой — драконьим когтем —
От огней земных —
В дальний, милый край уводит
Избранных своих.

«Кто говорит: Творчество, говорит: Жертва». Так сформулировал Поль Валери неколебимый закон искусства, который относится и к судьбе Эмили Дикинсон. Она обменяла свою жизнь на поэзию, — хотя, как всякий живой человек, еще долго надеялась, что судьба возьмет не все.

Стихи Дикинсон похожи на эпизоды какой-то символической пьесы, где главные персонажи — Душа, Бессмертие, Пчела, Дрозд, Малиновка, Бог, Цветок, Лето, Вечность, и все одинаково важные. А еще — Ветер, Звезда, Осень, Муха...

Тут вспоминается предтеча символистов Уильям Блейк, воспевавший Муху и себя самого называвший «счастливой Мухой», автор «Песен Невинности» и «Песен Опыта», учивший видеть мир — в песчинке, небо — в чашечке цветка. Правда, для Блейка существовал не только «мир вообще», но еще и Лондон, Англия, не только ангелы, но и Зло, Грех и так далее. Природа у него — Агнец и Тигр в одном лице; а у Дикинсон Природа — абсолютное благо, жизнь — абсолютное счастье, и вообще единственный враг человека — Смерть, да и то неизвестно, враг ли, ведь она отворяет врата в Бессмертие.

Тут стоит сказать, что Дикинсон ничего не знала о Блейке, литературное воскрешение которого состоялось уже после ее смерти. Зато она читала Джона Китса, и отголоски его оды «Осень» слышатся в ее осенних стихах. На знаменитой формуле Китса «Красота есть правда, правда есть красота» — основано одно из самых известных стихотворений

Я умерла за Красоту —
Но только в гроб легла,
Как мой сосед меня спросил —
За что я умерла.

«За Красоту», — сказала я,
Осваиваясь с тьмой —
«А я — за Правду, — он сказал, —
Мы — заодно с тобой».

Так под землей, как брат с сестрой,
Шептались я и он —
Покуда мох не тронул губ —
И не укрыл имен —

По сути, в творчестве Дикинсон сплелись и наши продолжение нескольких самых плодотворных нитей английской поэзии, в том числе и такие, о которых она вряд ли могла знать (Джон Донн, Кристофер Сمارт, Уильям Блейк), но которые интуитивно угадала. «Ум чувствами живет, / Как всякий паразит», — заметила она однажды. В искусстве ее проводником всегда была интуиция. Она говорила Томасу Хиггинсону: «Когда я читаю книгу и все мое тело так холодеет, что никакой огонь не может меня согреть, я знаю — это поэзия. Когда я физически ощущаю, будто бы у меня сняли верхушку черепа, я знаю — это поэзия».

Если главный принцип поэзии — достижение максимального эффекта минимальными средствами, то Эмили Дикинсон, конечно, один из самых подлинных поэтов. Время не нанесло урона ее стихам. За век с лишним многие явления в литературе поблекли и обветшали, а то и начисто забылись. Но эта странная мисс Дикинсон не только не об-

ветшала, а как будто лишь помолодела — как ангелы Сведенборга, из которых «самые старые кажутся самыми молодыми». Думается, Джон Пристли не преувеличил, сказав о Дикинсон: «Эта смесь старой девы и непослушного мальчишки в лучших своих достижениях — поэт такой силы и смелости, что по сравнению с ней мужчины, поэты ее времени, кажутся робкими и скучными».

Григорий Кружков

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРИРОДА

Природа для Эмили Дикинсон прежде всего друг и собеседник. И в то же время идеальный образец для художника, поэта: она прекрасна и благодатна, но при этом проста и непритязательна. Это очень созвучно мыслям ее любимого поэта Джона Китса, который писал: «Мы ненавидим поэзию, которая имеет относительно нас очевидные намерения, а если мы не согласны, угрожающе засовывает руки в карманы. Поэзия должна быть великой и ненавязчивой».

Для внимательного взгляда природа полна говорящих символов. Она наивна, как ребенок, но умеет сказать нам больше, чем седобородый мудрец. Она учит главным вещам на свете — свободе, нежности, милосердию и бесстрашию.

* * *

Я знаю, на каком холме
Зарыт пиратский клад —
Я видела, как там его
Закапывал — Закат.

А я стояла в двух шагах —
Стараясь не дышать —
Пока сгружало Солнце
Сверкающую кладь.

Вот славная добыча —
Любого бросит в дрожь —
Там было столько золота —
Лопатой не сгребешь.

Что делать мне — таить секрет —
Да разве утаишь —
Разбойников слетится тьма —
Когда такой барыш —

Найти бы верного дружка —
И слитки — пополам —
А если друг меня предаст —
Тогда и слитки — хлам!

* * *

Вот все, что я вам дать могу,
Лишь это — и печаль,
Лишь это — и в придачу луг —
И луговую даль —

Пересчитайте еще раз,
Чтоб мне не быть в долгу —
Печаль — и луг — и этих пчел,
Жужжащих на лугу.

Дикинсон Э.

Д 45 «Я умерла за красоту...» : стихотворения / Эмили Дикинсон ; пер. с англ., статьи Г. Кружкова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-17195-4

Творческая судьба американской поэтессы Эмили Дикинсон, родившейся в небольшом городке Амхерсте, где она почти безвыездно прожила до самой смерти в добровольном затворничестве, удивительна. При жизни Дикинсон были опубликованы анонимно лишь семь ее стихотворений, а первый небольшой сборник вышел посмертно. Между тем богатейшее поэтическое наследие Дикинсон составляют почти две тысячи стихотворений. Природа, любовь, таинство жизни и смерти — основные темы ее творчества, по достоинству оцененного лишь в начале XX века, когда Дикинсон была признана одним из крупнейших американских поэтов. Поэзию Дикинсон отличают особая, очень личная интонация, нетрадиционная метрика и рифма, напряженный ритм, лаконизм, обрывистость, нередко делающая стих трудным для понимания, а также богатство и прихотливость ассоциаций, необыкновенная свежесть восприятия, непосредственность чувства и видения.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-5

Литературно-художественное издание

ЭМИЛИ ДИКИНСОН
«Я УМЕРЛА ЗА КРАСОТУ...»

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.09.2019. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 12,9.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-PTR-25697-01-R